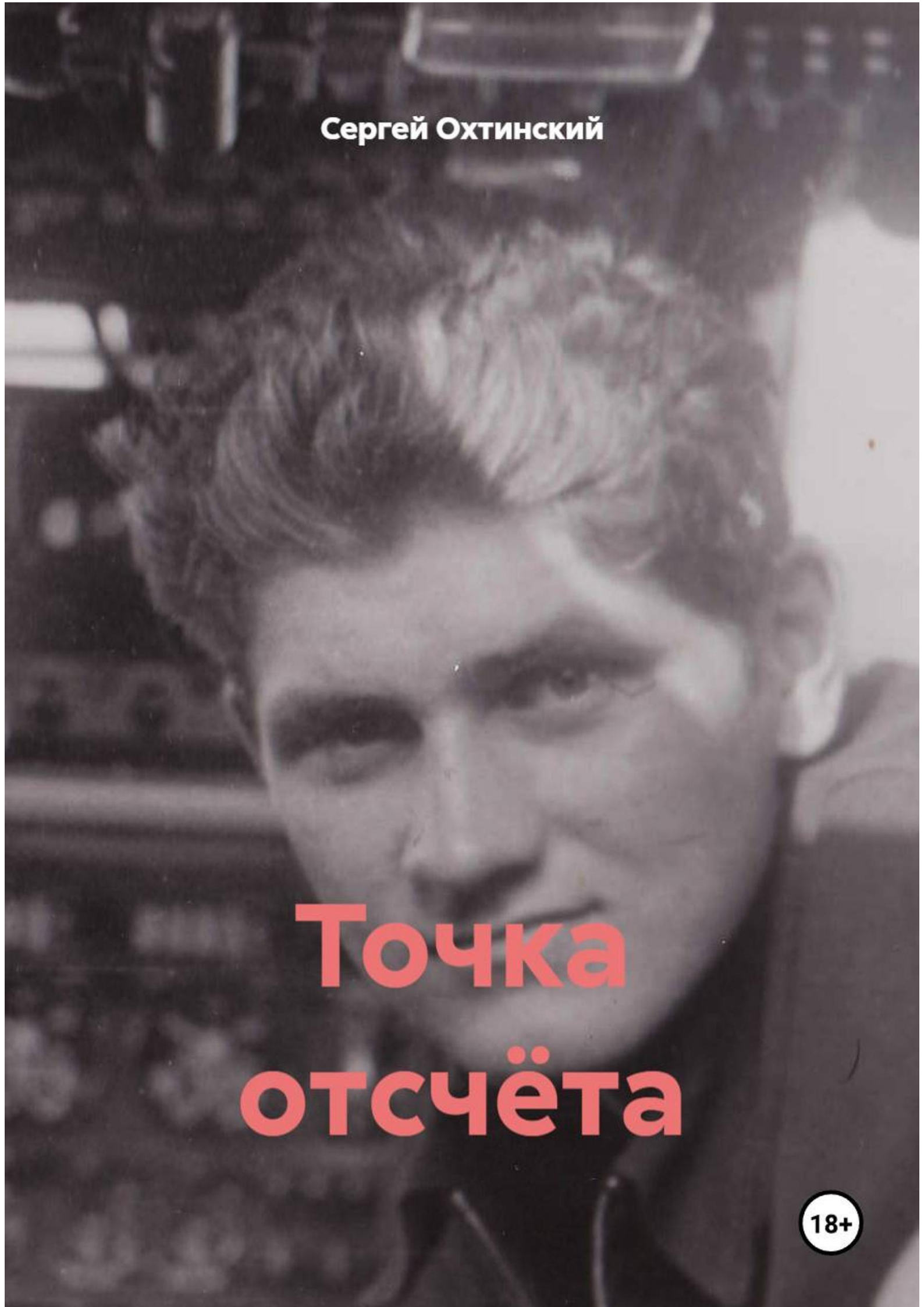

Сергей Охтинский

Точка отсчёта

18+

Сергей Охтинский

Точка отсчёта

«Автор»

2026

Охтинский С.

Точка отсчёта / С. Охтинский — «Автор», 2026

Эта история написана человеком, который сам сидел за штурвалом боевого самолёта и знает цену ночному небу. Однажды обычный разведывательный полёт над Чёрным морем превратился в борьбу за жизнь: отказ двигателя, пожар, катапультирование в ледяную ноябрьскую воду. Дальше — турецкий берег, плен у бандитов, пытки и потеря собственного имени. Автор честно и без прикрас рассказывает, как выживал, когда шансов почти не осталось. Как учился жить заново на чужом континенте, получив новые документы и новую судьбу. Как нашёл тепло там, где совсем его не ждал — в маленьком американском городке, в глазах женщины и в улыбке её дочери. Это не просто военные мемуары. Это книга о том, что человек способен выдержать всё, если у него есть цель. О небе, которое сначала чуть не убило, а потом подарило второй шанс. О свободе, которую невозможно оценить, пока не потеряешь. Написано просто, искренне и с тем особым юмором, который бывает только у людей знающих это. Финал удивит. Читается на одном дыхании.

© Охтинский С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Охтинский

Точка отсчёта

Глава 1

Стоял тот особенный, обманчивый осенний вечер, когда время будто замирает на границе тепла и холода. Солнечный диск, похожий на раскалённую чечевицу, уже утонул за горизонтом, оставив после себя не просто закат, а настоящий пожар в небе. Багровые, густые, как кисель, разводы залили полнеба, отражаясь в лужах на бетонке и придавая унылой военной базе почти инопланетный вид.

Юг Украины — штука коварная. Днём тебя ласкает солнце, а стоит ему скрыться, как ноябрь вцепляется в тебя своими промозглыми когтями. И пусть до моря рукой подать, но ветер, дующий с акватории, был не просто прохладным, а каким-то назойливым, липким. Он забирался под воротник лётной куртки, заставлял ёжиться и с тоской вспоминать о горячем чае в штабной столовке.

Мне, как это часто бывало в последнее время, предстояло ночное randevu с небом. Задание рутинное, но от того не менее опасное: радиотехническая разведка к берегам Турции. В сухопутной жизни это звучит скучно, как лекция по сопромату, а в нашей — это танец на острие ножа. Особенно осенью. Вода в Чёрном море сейчас холоднее, чем взгляд моей бывшей, когда я забыл о годовщине свадьбы. Она карает мгновенно. Поэтому прежде чем лезть в кабину, я должен был облачиться в доспехи, которые спасут мою шкуру, если гидравлика откажет или движок чихнёт.

Эти доспехи — «ГК-5» (гидрокомбинезон спасательный), изделие из плотной прорезиненной ткани, которое по весу тянуло на пару килограммов, а по ощущениям — на весь вес моих тревог. Он пахнет заводом и смертью, но дарит надежду. В таких костюмах мы напоминаем водолазов, которых выдернули из батискафа и засунули в Су-24. Купаться в ноябре в море — удовольствие, сравнимое разве что с прыжком в прорубь с банджо. Никакого желания проверять их герметичность на практике, но техника безопасности — вещь святая.

Пока я бродил возле машины, вдыхая запах керосина пополам с озоном, вокруг моего железного стрижа сустились наземные бригады. Это были не просто люди, это были шаманы. Они заправляли его топливом, азотом для системы наддува, кислородом для дыхания, заливали спирт в систему обогрева стекол (да-да, именно так, чистый этиловый спирт, и ни капли мимо!), и даже фотоплёнку для «Фотона». Техники сновали вокруг самолёта, как муравьи вокруг куска сахара, только кусок этот был весом в двадцать тонн и очень капризный.

Темнота опустилась на аэродром внезапно, будто кто-то щёлкнул выключателем. Степь погрузилась в густую чернильную тьму, и на небе зажглись звёзды. Не те бледные городские огоньки, а настоящие гиганты — яркие, чистые, колючие. Я поднял голову и, автоматически отыскав Полярную звезду, с удовольствием констатировал, что мы летим на юг. Туда, где за линией фронта нас ждут крымские просторы. Я всегда любил этот маршрут. Ночью берега Крыма выглядят как ожерелье, рассыпанное по бархату. Глаз зацепился за россыпь Млечного Пути, и я подумал, что, наверное, именно там, в небесах, и расположена настоящая штаб-квартира всех пилотов. Спокойная, величественная и нисколько не заинтересованная в том, что мы там делаем внизу.

Ночевала прохлада начинала проедать меня насквозь, высасывая остатки дневного тепла. Съежившись, словно воробей на проводе, я потопал в высотный домик на втором этаже КДП (командно-диспетчерского пункта). Подготовка к полёту — это ритуал. Сначала я с помощью

двух молодых ребят, которые сопели и пыхтели как паровозы, влез в этот резиновый панцирь. Одеть его в одиночку невозможно, тут нужна ловкость рук и немного магии.

Началась кропотливая работа по заdraиванию люверсов и клапанов. Дюралевые защелки закрывались с приятным металлическим лязгом, но вот незадача — сходить по нужде в этом костюме стало настоящим квестом уровня «хардкор». Специальный рукав, предназначенный для этих нужд, перетягивался таким хитрым замком, что понадобилась бы ловкость фокусника, чтобы открыть его, не нарушив герметичность. Поэтому последние сутки перед вылетом я практиковал сухое голодание, запивая жажду воспоминаниями о лимонаде, чтобы не создавать себе проблем в воздухе.

Наконец, когда мои ноги водрузили в утеплённые сапоги с подошвой из пробкового дерева (специально, чтобы тело держалось на воде, даже если потянешь за собой парашют), я почувствовал себя неуязвимым. Сразу стало тепло. Абсолютно. Организм перестал бороться за каждый градус, и меня накрыла волна сонного спокойствия.

Время тянулось к полуночи. Я подошёл к самолёту, положил руку на холодный металл фюзеляжа. Он был моим другом, хотя иногда и предавал. Проверая готовность машины, я краем глаза заметил, как за горизонтом тускло зажглись огни Севастополя. Там, за этой тонкой линией воды, лежал Крым — сказка для штабных картографов и ад для вражеских лока-торщиков. Красота этих мест из космоса заставляет сердце биться чаще, а вот вблизи — это грозные скалы и беспокойное море.

Я хмыкнул. Мой напарник, техник-лейтенант Коля Бойко, всегда говорил: «Лететь на юг — это как жениться второй раз. Надеешься на лучшее, но знаешь, что можно и обжечься».

Поднявшись по стремянке в кабину, я бросил последний взгляд на звёздный океан. Мне всегда казалось, что ночные полёты — это переключка с вечностью. Там, внизу, люди спят, решают бытовые проблемы, ссорятся и мирятся. А здесь, на высоте двенадцати тысяч, остаётся только ты, приборы и этот невероятный холодный космос.

До вылета оставалось десять минут. Я надел шлем, включил питание, и на приборной доске загорелась привычная россыпь огней. «Борт 45, к взлёту готов», — доложил я.

Напряжение висело в воздухе, как тот самый спирт перед испарением. Я знал, что эту ночь я не забуду. Но тогда я ещё не догадывался, насколько близко она столкнёт меня с красотой и опасностью, которые таят в себе крымские рассветы.